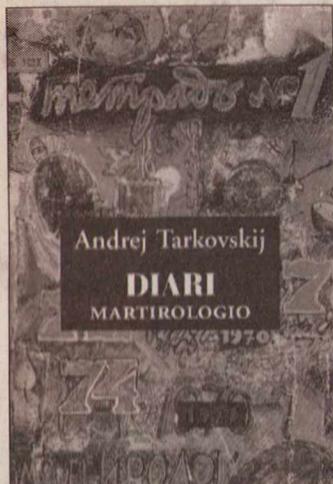

«Nostalghia» по-русски

Независимая газ. - 2002. - 23 мая. - с. 4.
Первое полное издание дневников Тарковского

Михаил Талалай

Andrej Tarkovkij. Diari. - Firenze: Edizione della Meridiana, 2002.

В итальянском прокате классический фильм Тарковского называют – в знак уважения к режиссеру – "Nostalghia", по-русски, хотя в итальянском имеется, конечно, своя «Nostalgia» (произносится как "ностальджия").

Русская ностальгия стала и сквозной темой книги Тарковского, только что опубликованной во Флоренции. Но не только ностальгия очередного изгнанника по родине-мачехе, а ностальгия великого художника по тем вещам, которые труд-

но найти и в России, и в Италии – ностальгия по вере, надежде и любви, по тем духовным категориям, что режиссер часто упоминал в своих дневниках.

...Когда бездомный изгнанник скитался по Европе, Флоренция выказала свое прирожденное благородство, дав ему и его семье приют. Для меня всегда было (и есть) маленьким чудом видеть на звонке одного из домов улицы Сан-Никколо надпись "Tarkovskij". Тут жил и сам режиссер, и его, ныне уже покойная, вдова, Лариса. Теперь живет его сын, Андрей. Дом этот поневоле превратился в мемориальную квартиру: в кабинете режиссера стоит стол, за которым он писал (в том числе и только что опубликованные дневники), висит икона его Небесного покровителя, Апостола Андрея Первозванного, хранятся его книги, рукописи, фотографии.

Именно это богатство и стало основой новой прекрасной книги, куда вошли как уже известные части дневников, так и новые, еще неопубликованные, а также рисунки режиссера и огромное количество фотографий. Увесистый и прекрасно изданный фолиант спонсировал флорентийский банк "Cassa di Risparmio di Firenze". В отличие от других предыдущих из-

даний, французского, английского и немецкого, итальянская книга является полным переводом семи тетрадей записок Тарковского. Труднейшую задачу перевода (а надо было адекватно перевести не литературный текст, а заметки и мысли "для себя", иногда сумбурные или зашифрованные) осуществил Норман Моццато. Конечно, редактор книги, Тарковский-младший, владеющий итальянским, как родным, помог пере-

водчику в этой работе. Моццато не в первый раз обратился к текстам режиссера – в 1994 году в сборнике "Кинематографические рассказы" ("Racconti cinematografici") вышла переведенная им "Гофманиана" Тарковского.

Вышедшие в Италии дневники режиссер начал в апреле 1970 года. Прошло четыре года после окончания работы над фильмом "Андрей Рублев", отправленным "на полку". Четыре

года вынужденного простоя – не души, конечно. Травимый чиновниками от искусства и ревнивыми коллегами, Тарковский озаглавил свой дневник как "Мартирологий", вложив в это слово, означающее Жития мучеников, свой собственный смысл – список мучений. Интуиция не подвела художника – к травле на родине прибавились многие другие мучения, не словившие, впрочем, режиссера. Его сын в предисловии к книге

вспоминает, что Андрей Арсеньевич часто говорил, что люди вовсе не рождены для счастья – на свете есть вещи его поважнее.

День за днем шла кропотливая внутренняя и внешняя работа, в первую очередь – над фильмами, признанными теперь вершинами мировой кинематографии. Теперь этот ностальгический и мученический путь может проследить и итальянский читатель. ●

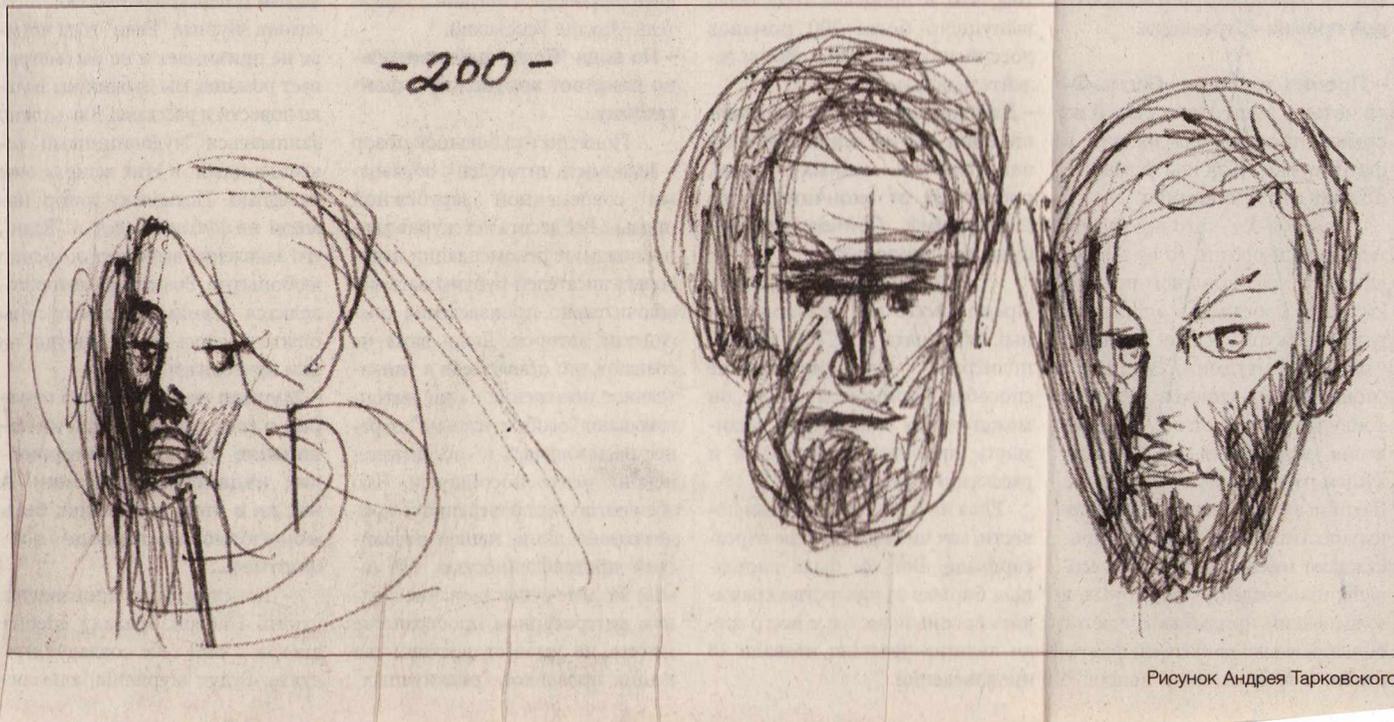

Рисунок Андрея Тарковского